

Нам пишут

ТУРМИЛОВ Давид Алексеевич - научный сотрудник ВИНТИ РАН

РОССИЯ КАК ГОЛОВНОЕ ЗВЕНО В ИНФРАСТРУКТУРЕ МИРОВОГО КОНТЕНТА

В этой статье мы рассмотрим глобальную модель инфраструктуры потоков социальной и культурной информации, которая максимизирует востребованность информационных ресурсов (ИР) России. ИР, которые в базах данных представляют собою нечто статичное, в телекоммуникационных сетях, в динамике, становятся контентом и именно как контент достигают потребителя и используются. Инфраструктура потоков такового контента определяется в общем случае стратегией построения информационного общества (ИО) в стране и достигнутым уровнем индустрии производства контента, а сама востребованность ИР является показателем развитости ИО. А откуда берется контент? Его порождает, прежде всего, культура. Поэтому в силу различия культурных традиций, тысячелетней русской и трехсотлетней американской, российская индустрия контента должна развиваться не по-американски, а самостоятельно: не интегрируясь с индустрией телекоммуникационных технологий и опираясь не на индустрию развлечений, а на собственное богатое культурное наследие. Компьютерные и коммуникационные технологии развиваются международными усилиями развитых стран последовательно и относительно независимо от их культурных особенностей и политического курса их руководства, тогда как контент, составляющий своего рода пищу культуры, существенно зависит в каждой стране от состояния ее культуры и социально-политической ориентации общества. Эти факторы и должны быть приняты во внимание, когда речь заходит о перспективах развития ИР в России.

Путь к глобальному ИО провозгласила Америка в 1993 г., поставив себе задачу создания национальной информационной инфраструктуры, далее ЕС, Канада, Япония, страны G7, а затем и другие стали принимать государственные программы информатизации, в числе которых оказалась обновляемая ныне ФЦП «Электронная Россия». Естественно, что переход к ИО отдельные страны совершают с учетом национальных интересов, что проявляется, в частности, в стремлении уменьшить их зависимость от США. С этой целью Китай, Япония и Южная Корея ведут разработку собственной современной ОС. Если и Россия будет что-то делать для своей технологической независимости, то это будет способствовать повышению уровня ее безопасности, но масштабность производства и качество ИР еще важнее, ибо в глобальном ИО тон будут задавать производители и распорядители контента. Кто они? Страны культурного превосходства.

Поэтому Россия может занять достойное место в глобальном ИО, если устремится к духовно-культурному лидерству. Но в настоящее время таковая устремленность отсутствует, и Россия довольствуется альтернативой лидерства, которую можно обозначить как изоляционизм. В российской культуре это приводит к доминированию ее низших форм в ущерб высшим, что отражается на контенте, воспроизводящем американские шаблоны, одновременно изоляционизм понижает требования и спрос на национальные ИР. А на чем могут быть основаны претензии России на принадлежность к странам культурного превосходства? На ее великом прошлом, совсем недавнем и более отдаленном.

Россия, занимая промежуточное положение между Европой и Азией, и сама, являясь их частью, формировала свою культуру как синтезирующую черты восточной и западной цивилизаций. В своей истории Россия не раз оказывалась мостом между культурами Востока и Запада, посредником в их диалоге и обмене. Русская духовность свое наиболее концентрированное и ясное выражения нашла не в религии и не в философии, а в литературе. Это очевидно всему миру. Президент Рейган как-то сказал, что русских надо уважать за их великую литературу и за их великие жертвы ради разгрома нацизма. Подъем русской нации всегда был связан с ее мессианизмом, а упадок с изоляционизмом. Выдающийся философ Николай Бердяев раскрывает, каким образом советский коммунизм оказался достойным преемником русского мессианизма: «Возникающая из коллективного бессознательного народной жизни мессианская идея получает новое наименование. Вместо Третьего Рима инок Филофей создается Третий Интернационал Ленина, и этот Третий Интернационал, облеченный в марксистскую одежду, в марксистскую символику, наделяется свойствами русской мессианской идеи, в него вкладывается призвание русского народа. Интернациональное так переплетается с национально-русским, что трудно их различить. Интернационализм оказывается национальным русским призванием и приобретает окраску русской идеи» [1].

Новый мессианизм России в XXI веке, если таковой состоится, будет отличаться от предыдущих. Сначала старая православная Россия намеревалась предьявить миру подлинно чистое неизвращенное христианство в лице своей единственно истинной ортодоксальной веры, затем Советская Россия вместе с братскими народами нацелилась твердой рукой привести человечество к справедливости и счастью на основе единственно верного коммунистического учения. А теперь Россия, если и сумеет дать миру новое счастье, то отнюдь не с позиций монизма, а в свете плюрализма, ибо нет единственно истинной религии. Тем не менее, каждая из цивилизаций опирается на свой глубинный парадигматический опыт и оберегает свою духовность, противопоставляя свою религию иным. И только Россия с ее уникальной межцивилизационной интуицией способна внести гармонию в мир XXI века, уравнивая несоместимые цивилизации и сглаживая острые углы в контактных точках. Таким образом, если национальная русская идея до сих пор развивалась от православного мессианизма к коммунистическому гегемонизму, то теперь, если она не зачахла, ее курс будет проложен к глобальному гармонизму.

Итак, специфичность России такова, что она одна способна быть межцивилизационным согласующим звеном в системе мировой культуры. Необходимость такого звена поддается всем ходом развития международного процесса. Америка находится не только в состоянии войны и наведения демократического порядка в Ираке и Афганистане, но и в духовно-культурном противостоянии с Востоком, которое проявляется как в скрытых формах, так и в таких экстремальных, как терроризм. А завтра это противостояние может вылиться в какие-либо иные формы, ибо корни конфликта сохраняются. Россия же может не просто примкнуть к коалиции противников международного терроризма, т.е. бороться с внешними проявлениями враждебности народов, но сделать гораздо больше. Как советовал мудрый К. Прутков: «Зри в корень!». Она может выступить как посредник и гармонизатор межцивилизационных связей, организатор и ведущий в диалоге культур и религий.

И Америка, которая все больше осознает невозможность вестернизации Востока и несовместимость ценностей американского образа жизни и демократии с исламскими и буддистскими цивилизациями, почувствует облегчение, если в международной жизни появится такое интерфейсное межцивилизационное звено, и потому не станет противиться осуществлению Россией ее мессианистского призвания исключительно в духовно-культурной сфере, без какой бы то ни было ее территориальной или экономической экспансии, которую США уж точно не потерпят. Что же касается исполнения Россией мессианистской роли на мировой арене, то поскольку она может основываться только на ее духовно-культурном лидерстве, постольку это потребует от России возрождения ее духовности, а не церковности, и достижения высоких культурных стандартов. Так какую же инфраструктуру мировых потоков контента задает лидерство России в межцивилизационных отношениях?

Эта инфраструктура содержит три части: ядро, каркас и периферия, располагающиеся соответственно в Москве, в России и по всему земному шару. Мировая периферия состоит из центростремительных потоков национального контента из разных стран в Россию; это первичный культурный контент наций, стран и регионов всех современных цивилизаций. Под каркасом понимается внутрироссийская сеть циркуляции контента, образуемого поступающим от мировой периферии и здесь трансформируемым и генерируемым в центрах России. Ядро преобразует входящие в него потоки контента в новый, синтетический информационный продукт, который пополняет его ИР и используется для формирования центробежных потоков контента из ядра к мировой периферии.

Раскроем структуру ядра. Его идеологический смысл состоит в том, что оно осуществляет тот идеал, к которому стремилось русское православие в своем расцвете. Традиционная русская мечта состоит не в том, чтобы Москву сделать (n+1)-м Сити, но Третьим Римом. Так пусть в этом проекте Москва будет новым Римом и Интернационалом, а именно: центром мировой духовности как организатор взаимосвязи культур и религий мира. В отличие от первого Рима, который и поныне существует материально, локализован географически и посещается туристами, Третий Рим есть виртуальное и духовное существо. Он город не в обычном смысле, а скорее город-мираж, идеально существующий город, каким был Иерусалим в Средневековье. Здесь все материальные и информационные ресурсы подчинены задаче самопознания мирового духа, и доступ сюда открыт каждому страждущему, которому *есть* что сказать: или непосредственный доступ или виртуальный, в коммуникационный центр этого призрачного города, витающего над реальной Москвой.

Из чего состоит комплекс учреждений ядра как Третьего Рима? Все важнейшие мировоззрения и культурно-религиозные силы человечества представлены на постоянно работающем в Москве Форуме. Наряду с Форумом религии должны иметь отдельный центр диалога конфессий, который можно назвать Московским Пантеоном. В отличие от Пантеона в первом Риме,

который является памятником античности, Пантеон в Москве это средоточие живого духа человечества, в котором он ищет выразить себя в слове. Здесь никакая отдельная церковь не доминирует, но голос каждой слышен. И, наконец, есть третье учреждение, предназначенное для культурных экспериментов и называемое Театром. В Москве должен быть также учрежден международный центр метакультурных и метарелигиозных исследований как научная база Форума и Пантеона, работа которого должна поддерживаться хранилищем гуманитарных ИР колоссального объема.

Форум и Пантеон в Москве не имеют каких-то международно-правовых привилегий. Форум – это сборище для дискуссий, где заокеанские и евразийские любители заочно навешивать клеймящие ярлыки могут в общем зале или в прямых теледебатах под наблюдением всего человечества в открытой дуэли face to face оправдать свою моральную позицию. Это ристалище, где перед мировой аудиторией сталкиваются ораторы враждующих цивилизаций и религий. Борьба на открытом информационном поле отвлечет от подполья, взрывов и диверсий: ведь самый кровавый теракт служит тому, чтобы кто-то был услышан, пролитая кровь оказывается поводом для политического заявления.

На заре ООН ораторы делали там историю. Но теперь там говорильня, а главное то, что общественная мысль и дипломатия в послевоенное время разошлись. И вот теперь, быть может, время ораторов пришло. И теперь опять, как когда-то в Римской республике, историю публично будут делать ораторы, а не шпионы и суперсекретные герои в темном закулисье холодных войн. Движущей силой истории опять станет логика человеческой речи, а не виртуальный яд и электронный кинжал.

А Московский Пантеон – это не вулкан кипящих страстей. Это степенное уважаемое учреждение. И авторитет его исключительно моральный, образуемый in omni summa, объединением авторитетов участвующих в нем религий мира. Его принцип принятия решений – единогласие. Пантеон должен быть тем эксклюзивным мировым центром, который правомочен и признаваем всем человечеством, как единственно способный давать окончательную *моральную* оценку народам, странам и правительствам по делам их. Это будет частичной реализацией идеи президента Вудро Вильсона об организованном мнении всего человечества. Ведь такое мнение непременно должно содержать и этическую составляющую, формирование которой указанным здесь образом будет институциализировано.

Президент Вильсон в своей речи на гробнице Вашингтона обобщил в одной фразе задачи создания справедливого миропорядка: «То, к чему мы стремимся, есть царство права, основанное на согласии управляемых и поддерживаемое организованным мнением всего человечества» [2]. Таким образом, Москва может внести свой новый вклад в это великое дело. А свой первый вклад она сделала в самый день произнесения этой речи 4 июля 1918 г.: в Москве открылся V Съезд Советов, на котором была принята первая Конституция России, устремленная на установление царства права на территории самого большого государства планеты.

И уже сама подготовительная работа потребует интенсивного общения, в связи с чем рассмотрим одно из направлений работы информационного центра, связанное с лингвистическим обеспечением. Уже не одно тысячелетие мир живет в условиях «вавилонского столпотворения». И некоторые современные проекты построения глобального ИО предлагают себя для его преодоления. В области точного знания и техники уже веками ведется работа по терминологии и классификации, сопряженная с известными трудностями концептуальной и лингвистической природы. Но насколько же сложнее должна быть подобная работа в духовной области, где преобладают не формализованные четко очерченные знания, а туманные и расплывчатые, источником которых является не калькуляция, а интуиция. Поэтому унификация терминологии и классификация знаний в духовно-культурной области требуют новых подходов, и мы здесь коснемся важнейшего.

В религиозных делах особенно значимы древние тексты. Аккумуляция знаний в ходе исторического процесса находит свое выражение в возрастании количества слов и уточнении их смысла. Поэтому чем старше текст, тем его словарь беднее, а единицы этого словаря многозначнее. Терминологическая работа синтезирует достижения в разных областях знания. Триумф теоретической науки иногда заключается в отождествлении понятий высокого уровня абстракции, имеющих совершенно разные эмпирические корни. В исчислении бесконечно малых примером такого отождествления является знаменитая теорема Ньютона-Лейбница. А в духовно-культурной области столь же выдающееся открытие принадлежит профессору А.Ф. Лосеву, но оно не оформлено, как теорема, в силу различия логической структуры математического и гуманитарного рассуждения, а дано в следующей формулировке: «... разница между Плотинным и Гегелем не только терминологическая, но и в глубочайшем смысле слова мирозерцательная. Зато в методологическом или, точнее, в структурном отношении учение об абсолютном духе

Гегеля ничем не отличается от учения о богах Плотина» [3]. Так как неоплатонизм, как известно, был вершиной развития философской мысли древности и нашел свое продолжение в позднейших философских и религиозных учениях, то обширнейшая религиозно-философская литература не может быть без него полностью понятной. Однако сегодня число лиц, знакомых с этой философией, ничтожно. А гегелевская философия широко известна благодаря марксизму. И теперь открытие проф. Лосева дает всем ключ к духовным богатствам древности, и, кроме того, гегелевская философия может быть использована практически для интерпретации старинных учений, в том числе, для классификации, и, следовательно, для формирования гуманитарных ИР, включая базы данных и духовно-культурных знаний.

Функционирование каркаса рассматриваемой инфраструктуры возможно только в силу надлежащего организационного обеспечения. Таковым является специфическое плюралистическое устройство России, а именно такое, при котором ее организация будет подобием глобальной. Можно сказать, она как макроструктура, макрокосмос должна воспроизводить глобальную культурно-духовную структуру, мегакосмос. Здесь речь идет не о конституционном устройстве и административной организации России, а об устройстве ее имматериальной информационной сферы и организации в ней потоков контента. Представим, что Россия разделена на множество культурно различных зон, причем эта структура культурного плюрализма накладывается сверху, как надстройка, на реальное экономическое районирование, которое имеет свое собственное обоснование. Культурные зоны подразделяются на два типа, которые *условно* назовем так: загоны и полигоны. «Загон» - термин из российской публицистики XIX века. Загоны суть заповедники российской самобытности. И если у них будет правовая основа этой самобытности, находящая себе отражение, в частности, в местном уголовном праве, поддерживающем традиционные русские наказания, в земельном и семейном праве, то только тогда и будет, что «там Русью пахнет».

Полигоны суть зоны интернационализма, контакта с той или иной культурой мира. Тут говорят не только по-русски. Эти зоны чрезвычайно разнообразны, ибо каждая из них являет собою культурную конформность с избранной нацией или регионом мира. В советское время были «города-побратимы», но это слишком слабо, чтобы быть прототипом. Может быть лучше говорить о культурном колониализме других наций на территории России. «Все флаги в гости будут к нам, И запируем на просторе» [4], имея в виду духовное пиршество.

Каждый из полигонов поддерживает широкий спектр культурных связей со своим далеким партнером, но в этом спектре особо выделяется искусство, а внутри него - театральное. Фридрих Шиллер так писал о владычице человеческих чувств - сцене: «И там, где религия и законы отказываются сопровождать человеческие чувства, считая это ниже своего достоинства, она продолжает дело нашего воспитания» [5]. И хотя далее появились новые виды и формы искусства, они усилили технически и варьировали тот основной механизм воздействия на психику, который имел в виду Шиллер. Поэтому располагающееся в Москве центральное звено структуры культурного плюрализма, к которому сходятся стрелы из полигонов, мы именуем Театром.

Таким образом, вся структура имеет вид звезды, организующей центростремительный культурный поток из разных очагов культуры, рассеянных по миру, в полигоны на российской земле, а далее в Театр в Москве. Культурные феномены, переносимые из родных очагов в российские полигоны, очищаются в них от случайного, приноровленного к конкретным условиям в метрополии, и демонстрируют свою жизнеспособность на новой почве и общечеловеческое содержание в национальном одеянии. Далее действие переносится из полигонов в Театр в Москве, где уже подготовленные к столкновению культурные организмы сходятся на общей сцене, разыгрывая сценарии их взаимодействия и пуская в ход свои ценности, как своего рода тела и антитела. В итоге постановщики спектаклей, оснащенные метакультурной методикой, находят оптимальные культурные комбинации для любой общественной проблемы.

Таким образом, Театр в Москве будет для Форума и Пантеона дополнительным источником идей, апробированных искусством. И вся эта триада в целом, способная воспринять и организовать духовный опыт всего человечества, реализуя заложенную в глобальное ИО тенденцию, будет содействовать превращению мировой политики из искусства борьбы в отрасль управления. Ядро инфраструктуры, аккумулирующее в своих ИР продукты концентрации и переработки центростремительных потоков мирового контента, постоянно направляет на мировую периферию бесчисленным потребителям всех племен и народов синтетический культурно-духовный контент общечеловеческой ценности.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Русская религиозная психология и коммунистический атеизм. Париж: YMCA PRESS, 1931, с. 43.
2. Вильсон В. Принципы демократии. Извлечения из речей и посланий во время войны. Пер. с англ. Г.П. Струве. Берлин: Русская мысль, 1924, с. 28.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики: поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980, с. 615.
4. Пушкин А.С. Полное собр. Соч. в 10-ти томах. Т.4. М.: Изд. АН СССР, 1957, с. 380.
5. Шиллер Ф. Собрание соч. в 7 томах. Т. VI. М.: ГИХЛ, 1957, с. 18.